Звезда
Амонтильера
Возвращение
Джейд Дэвлин

Джейд Дэвлин

Звезда Амонтильера. Возвращение

Серия «Звезда Амонтильера», книга 2

fb2 предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544147

Аннотация

Девчонка в мужской академии? Неслыханно! Скандально! Непонятно! Все просто возмущены, и…

И никто даже не задумался над тем, что привело опытную девушку-мастера в компанию к избалованным аристократам.

А когда она исчезнет – заметит ли это хоть кто-нибудь? Будут ли ее ждать? Вторая книга дилогии.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 31
Глава 6 38
Глава 7 45
Глава 8 51
Глава 9 57
Глава 10 64
Глава 11 72
Глава 12 80
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Джейд Дэвлин
Звезда Амонтильера
Возвращение

Глава 1

Парни привыкли, что утром Иллис уже нет в комнате, когда они просыпаются. И сегодня сразу не поняли, что изменилось. Уже оделись и были готовы к выходу, когда Майс случайно заметил белый прямоугольник на письменном столе.

– А это что?

«Простите, я так и не нашла сил сказать вам вчера. Я должна уехать, может быть надолго. Я вас люблю. Не скучайте и берегите друг друга. Иллис».

Майс прочел еще раз, будто не поверив бумаге: «должна уехать… может быть надолго…» – и поднял на друзей растерянный взгляд.

– Это она, значит… вчера знала, что уедет?

– Куда уедет? – Габриэль вырвал лист из ослабевших пальцев. – Я так и знал! Я еще вчера чувствовал, что должно случиться что-то плохое! – Он в отчаянии махнул рукой и отвернулся.

– Не просто так, значит, сигнал был. Нам следовало догадаться – по пустякам сигналы из Ордена слать бы не стали, – Норр в свою очередь взял бумагу и пробежал по ней глазами, будто надеялся найти разгадку в этих нескольких строчках.

– Мне это не нравится, – письмо перекочевало в руки Льена, и он нахмурился, вчитываясь не менее внимательно. – Мне это очень не нравится… Зачем ее вызвали? Она же должна закончить академию, и она только младший мастер. Мне это очень-очень не нравится…

– Камень! Какого цвета был камень, когда он звонил? – закричал вдруг Норр, меняясь в лице.

– К-красный… кажется… – неуверенно ответил Майс, бледнея. – А что?

– Красный. Сигнал общей тревоги… – сказал Норр безжизненным голосом и опустился на кровать. – Последний раз использовался в Ордене больше пятнадцати лет назад… Какой же я идиот, что прохлопал это вчера! – простонал он.

– Что-то случилось, – непослушными губами выговорил Льен, тоже садясь, только прямо на пол. – Что-то на границе. Что-то очень страшное…

– От… откуда ты знаешь? – дрожащим голосом проговорил Гай.

– Орден – это стражи границы, – безжизненно отозвался Норриан. – На первом курсе изучали…

– Тогда нам надо догнать Иллис, быстрее! Ну, что вы сидите?! – Майс сорвался с места.

– Майс, остынь, – Льен с трудом встал и поймал друга за плечо. – Мы ее не догоним. А если бы догнали… Она мастер Ордена. Ее место там… Она бы не вернулась, даже если бы мы ее силой назад тащили.

– К черту вернуть! Мы поедем с ней! – запальчиво вступился за Майса Габриэль.

– Куда? – горько усмехнулся Норриан, не делая попытки подняться. – Кто нас пустит? И чем мы ей поможем, если за радужный щит могут ходить только мастера Ордена?..

У Гая опустились плечи. Все верно… Это тоже проходили на первом курсе… Но как это невыносимо – знать, что дорогой им человек в опасности и нет возможности ничем помочь.

– Не раскисайте, – неожиданно жестко приказал Льен. – Что бы ни случилось, она вернется. И потом… – он сбился, но продолжил: – Иллис только младший мастер. Еще года не прошло, как окончила обучение. Никто не отправит ее туда, где самая большая опасность. – Неизвестно, кого он старался больше убедить – остальных или себя.

– Да, не будем впадать в отчаяние раньше времени, – подвел итог Норр. – Иллис у нас… «не тонкой ниткой шита». Она не пропадет. – «Надеюсь», – добавил он уже про себя.

На разминку они едва не опоздали. Однако мастер ди Хасс, вопреки обыкновению, сделал вид, что так и надо. И это тоже показалось четверке тревожным признаком. Но остальные курсанты ничего не заметили. Правда, отсутствие

Иллис вскоре стало очевидно, но пока никто никаких вопросов не задавал. Мало ли у нее своих дел.

Кириан в этот день проснулся, как обычно, рано. Это был его час. В это время никто не отвлечет и не полезет с дурацкими вопросами, можно спокойно размышлять и смотреть на Иллис. Украдкой, из окна, прячась за занавеской.

Однако сегодня она впервые за все время не вышла во двор. Князь ждал ее к тренировке, но она не появилась и там. В классе ее тоже не было. Впервые за долгое время место рядом с Кейрошем осталось пустым. Сердце тревожно дернулось.

На перемене он поймал за грудки Габриэля и спросил его как можно небрежней:

– Куда это вы подевали свою боевитую подругу, а?

Гай и так был на пределе – тревога не отпускала с самого утра, хотя они все четверо старались успокоить друг друга. А тут еще этот гаденыш белобрысый лезет со своими идиотскими вопросами!

– Отвали, урод, – процедил он сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы с ходу не съездить в морду.

– Что это ты такой… неласковый? – приподнял бровь Князь, про себя решив непременно выяснить, куда делась Иллис. По всей видимости, куда-то уехала, раз Габриэль так кипятится.

– Где бы она ни была, тебя это не касается, – Норриан подошел со спины и легко стряхнул руку Князя с груди Гая. –

Забудь о ней.

– Хо-хо! Значит, уехала. Я бы легко забыл о ней, друг мой Норр, было бы о чем забывать… Вот только у нас совместный проект по планированию не закончен. И я не намерен делать работу вместо всяких прогульщиц. Так ей и передай.

– С удовольствием передам, – процедил Норр, поворачиваясь к Кейрошу спиной.

– Даже не знаю, как вы теперь проживете без присмотра… – бросил Кириан ему вслед. Ясно, что от этих больше ничего узнать не удастся. Ну ладно, у него есть и свои источники, надо только…

И тут он, словно на неожиданное препятствие, наткнулся на внимательный, пристальный взгляд Льена. Торк!

Кейрош быстро развернулся и зашагал по коридору.

«Вот и хорошо! Все складывается как нельзя лучше. Пока ее нет, я смогу излечиться от этой болезни по имени Иллис», – думал он на ходу. И ему действительно стало легче. На какое-то время.

А к вечеру по академии поползли слухи. Они варьировались от «что-то неладно на границе» до «падения всей юго-западной линии». Значит, истина где-то посередине. Само собой разумеется, проблемы на границе – дело «полуденных». Вот вам и ответ – куда могла поехать Иллис… Ее, конечно же, не отправят в горячую точку, скорее всего туда поедут старшие мастера. А младших созвали присмотреть за Орденом и малышней. И когда заварушка кончится, она вер-

нется. Успокоив свою неясную тревогу таким образом, Кириан приободрился.

«Да хоть бы и не возвращалась совсем, мне что за дело! – попытался сам себе внушить он. И добавил с улыбкой: – Утром хоть выспаться можно будет».

Но утром он проснулся в привычное время и, сколько ни ворочался с боку на бок, уснуть больше не смог. Чертыхнувшись про себя, Кириан встал с кровати и подошел к раскрытому окну. Постоял. Без Иллис все это было как-то… бессмысленно. Тогда он огляделся, вскочил на подоконник и с него по-кошачьи перепрыгнул на ветку. Ветка закачалась. Как это у нее получалось – скользнуть вниз, не задев и листика? Кир перехватил руки, он столько раз смотрел, как спускается Иллис, что знал ее маршрут наизусть. Вот эта ветка, теперь вот эта… вон тот сучок – и можно прыгать.

Кириан медленно обошел двор. Вот тут она любила разминаться, а тут кружила с Анеллой…

«Тьфу! Ты решил забывать или вспоминать?!» – Князь заставил себя упасть на кулаки и отжаться сто раз в бешеном темпе. Потом выполнил перекат и рывком подскочил на ноги. Выпад… прыжок… сальто назад… Он выучил всю ее программу и теперь, с особой яростью выполняя движения, пытался вытеснить лишние мысли. Час пролетел как одна минута, и подошло время всеобщей утренней тренировки.

Ди Хасс с утра был непривычно мрачен и – неслыханное дело! – почти не делал замечаний. Курсанты встретили нов-

шество тихим гулом. Что-то происходило в мире, и это что-то внушало неясные опасения. Впрочем, скоро все разъяснилось…

Тревога горьким дымком пропитывала все вокруг. Даже в городе от нее было не укрыться. Люди притихли, все разговоры велись вполголоса, не слышно было обычного гама рыночной площади, криков играющей детворы. Новости пришли с беженцами, просочились с курьерами из пограничья. Слухи, один другого нелепее и страшнее, будоражили и без того напуганных горожан. Но паники удавалось не допустить.

В академии, преподаватели которой были в курсе настоящего положения вещей, напряжение становилось почти невыносимым. Даже занятия сократили.

Никто не собирался посвящать курсантов в подробности, но общая картина была доведена до их сведения. Захвачена одна из пограничных башен, артефакт уничтожен или заблокирован. Пока удалось растянуть силу двух соседних радужных камней и закрыть проход во внутренние области королевства, но Аркадрийский выступ захвачен, и те немногие беженцы, что успели спастись, рассказывают ужасные вещи.

Полуденный Орден объявил мобилизацию. Только его мастера могут проникнуть сквозь ослабленный щит на захваченные территории. За щит ушли все, от удалившихся на покой ветеранов до вчерашних выпускниц. Если в течение недели они не прорвутся к старой границе и не восстановят

артефакт, начнут выходить из строя остальные башни, и радужный щит, защищавший королевство от агрессии кархов, исчезнет.

Это будет даже не война, это будет нашествие… без щита и без Эйро им не выстоять.

Так прошла неделя, и с каждым днем ожидание становилось все невыносимее. В городе уже были вспышки массовой истерии, но умелыми и довольно жесткими действиями властей их удалось ликвидировать. Люди сидели по домам и ждали, ждали…

Глава 2

Кириан вздохнул и привычно обвел взглядом двор. Мир вокруг был серым и скучным. Она увезла с собой все краски.

Прошло уже столько дней с отъезда Иллис! Первоначальная «радость» Князя сменилась тоской, унынием и непреходящей тревогой. Он успокаивал себя, что младшему мастеру даже на границе ничего не грозит, но все чаще пробивалась в голову страшная мысль: «Что, если она не вернется?»

Как пережили эту бесконечную неделю парни – плохо помнили все четверо. Первоначальная надежда на то, что девушка отсидится в Ордене с малышами, пошла прахом почти сразу. Когда Норр не выдержал неопределенности и пошел к рессу Грарарду, стало еще хуже. На прямой вопрос он получил прямой ответ.

Ректор был сух и немногословен. Иллис ушла за барьер. Точка. Больше обсуждать нечего. И болтать об этом не следует. Можно только ждать. И надеяться.

И они ждали. Каждую минуту, каждую секунду эти бесконечные несколько дней надежда сменялась обжигающим ужасом – а вдруг…

Иногда казалось – а не сон ли это был? Эта невероятная девчонка исчезла так же неожиданно, как появилась, и…

Но ее вещи, книги, магографии… Все это можно потрогать, взять в руки, еще раз убедиться, что она им не приви-

делась и не исчезла без следа.

И разве это могло присниться – солнечные глаза, улыбка, против которой невозможно устоять? Они за всю жизнь столько не смеялись и не радовались жизни, как за последние полгода. Даже торков «Арсенал»! Да пусть бы хоть каждый день!

Не сговариваясь, они поставили ее магографию на стол – на самое видное место, и даже вечный неряха Майс охранял это место от беспорядка.

А еще были слухи. И невеселые мысли. Все они верили, что Орден справится и граница выстоит. Так всегда было раньше. Но все равно, все равно… Страх, охвативший королевство, проникал и в академию. И выливался слезами самых младших, тишиной в компаниях подростков, нахмуренными бровями выпускников. У всех были семьи. У всех был повод беспокоиться за них. И за себя.

Что уж говорить о четверых друзьях.

В тот последний день бесконечной недели было солнечно. Их разбудили в обычное время, хотя уже несколько дней тренировки шли спустя рукава. Как, впрочем, и занятия. Нет, преподаватели старались загрузить курсантов по максимуму, чтобы не оставлять им времени на бесполезные терзания. Но по большей части их старания уходили впустую, как вода в песок. Казалось, никто не способен сосредоточиться на учебе. Ожидание повисло в воздухе, почти осязаемое, тяжелое и вяжущее.

Четверо друзей сидели под любимым деревом Иллис, чуть в стороне от многолюдных дорожек, в глубине парка. Раньше оно было просто любимым деревом компании, но теперь помнилось только, что именно тут чаще всего проводила время она.

Майс рассеянно перебирал в коробке какие-то свои железки и магемы. Норриан пытался читать, но уже на протяжении часа не перелистывал страницу. Габриэль просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел, как резные ладошки листьев протирают небо. Льен даже сейчас не расставался с гитарой, хотя назвать мелодией тихий перебор струн вряд ли кто-то бы отважился.

– Может, еще раз сходим к ректору? – Майс тоскливо брякнул очередную железку о дно коробки.

– Если бы были новости, он бы сообщил, – Норриан отложил книгу.

Они и не подозревали, что сверху их напряженно слушают. Любимое дерево Иллис интересовало не только четверку. Кириан последнее время тоже полюбил бывать здесь. Только его больше притягивала крона. Очень выгодная, как выяснилось, позиция…

– Какого торка! До сих пор не верю, что могли послать за щит младшего мастера! – с отчаянием рявкнул вдруг Габриэль и ударил кулаком по траве.

Кириану стоило больших трудов удержаться наверху. Он судорожно вцепился в ветку и напряг слух до предела, чтобы

не пропустить ни слова.

– Они все ушли, – после продолжительной паузы вздохнул Льен. – В крепости остались только самые старые и те, кто еще не закончил обучение. Положение слишком серьезное.

Майс тяжело переглотнул.

– Но она же не может… – он тоже не мог. Не мог вслух произнести то, о чем даже думать страшно.

Кириану показалось, что его отправили в нокаут – в глазах потемнело, он перестал ощущать свои руки, которые намертво вцепились в ветку, угрожая раскрошить ее в щепки. Он бессильно уткнулся лбом в гладкую кору. Не может быть… Иллис ушла за щит?! За щит?! Не может быть! В свете последних событий шансы уцелеть там – один против десяти…

– Я не хочу об этом думать… – Норриан прикрыл глаза и раскачивался словно в трансе. – Не хочу. Но речь идет о выживании королевства. А она – мастер Ордена. И если для того, чтобы вернуть границу, надо будет… – он не договорил. Тоже не смог.

– А мы тут сидим, как… бараны! – Майс рывком сел.

– Пойду я… пройдусь немного, – Льен не спеша поднялся.

– Погоди! – Норриан открыл глаза. – Ты с отцом связывался? Что он говорит?

– Все то же самое. Барьер пока держится. Из ушедших за него никто не возвращался, и неизвестно, что там происходит. Судя по всему, идут бои. И… – Льен опустил голову, – есть потери…

Они надолго замолчали. И Кириана вдруг охватила странная, иррациональная, жуткая надежда, что все сказанное – шутка. Что сейчас они встанут, рассмеются и будут потешаться над его доверчивостью… Он почти физически захотел этого. Но они продолжали молчать. И это молчание было таким невыносимым, что Князь совсем было решил слезть с дерева. Наплевать, что его увидят. На все сейчас наплевать. Он уже занес ногу, чтобы начать спускаться, но именно в этот момент парни вдруг подхватились, собрались и быстро, молча ушли.

Князь спрыгнул на траву. Он чувствовал дурноту и слабость. Бездействие убивало. А отчаяние не давало нормально дышать. Если была бы хоть мизерная возможность, он поехал бы туда. Он нашел бы Иллис и…

И что?!

Погиб рядом с ней? Глупо… как глупо все… А сейчас он даже не знает, что с ней и жива ли она вообще.

До самого вечера он не находил себе места. И только когда вся академия отправилась на ужин, Князь проник в свою комнату, чтобы забрать оттуда свой дневник.

Он листал свои мысли, забившись в дальний уголок двора. И пока он читал, они соединяли его тоненькой ниточкой с… с ней. Он, словно драгоценности, перебирал в памяти те моменты, когда был к ней близок.

Счастливые моменты, которые, возможно, никогда не повторятся…

«А я ведь даже не сказал тебе, что люблю… нормально не сказал!» – скрывать это дальше не было никакого смысла, и он наконец принял это знание. Если бы можно было повернуть время вспять…

Кириан понял, что он плачет, только когда горячая капля упала на его исповедь и расплылась по бумаге чернильным пятном. И сейчас ему не было дела до того, что кто-то мог бы увидеть эти слезы и назвать его слабаком и сентиментальным идиотом. Сейчас было так больно, что просто больше ничего не имело значения.

Кириан медленно поднялся. Его качнуло. И то, что произошло с ним дальше, вряд ли можно описать словами. Его накрыло с головой, словно приливной морской волной: он слышал музыку, слышал ее голос и одновременно с этим – стрекот кузнечиков. Он видел заходящее солнце над холмистой пустошью и каких-то людей, он ощущал дыхание ветра на своей коже, тепло солнечных лучей, запах травы, земли, цветов и крови. Он ощущал твердость выщербленных каменных ступеней под собой и, ужасаясь, видел алые потеки на них.

Он вдруг увидел ее глаза, и ему показалось, что ясный отсвет заката медленно гаснет в них, словно забирая с собой жизнь. И не выдержал, закричал что было сил туда, в эту степь, полную крови и звенящих кузнечиков:

– Нет! Не смей! Не уходи, слышишь?! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!

Потрескавшиеся губы чуть шевельнулись, девушка улыб-

нулась в ответ, закатный луч запутался в длинных ресницах, и Кириан всем своим существом, всем сердцем потянулся туда, к ней, словно отдавая всего себя.

И потерял сознание.

Только что вернувшиеся с ужина парни вдруг замерли, кто где стоял – Гай и Майс уже у своих кроватей, Норр у стола, Льен на пороге комнаты. Их как молнией ударило мгновенной слабостью и странной тягостной болью, но длилось это всего несколько секунд, а потом отпустило, оставив после себя странную опустошенность и дрожь.

Заслоняя половину неба, на востоке полыхнуло радужное сияние и до самого утра играло яркими всполохами, освещая ликующее королевство. Стена, отгораживавшая земли людей от владений кархов, восстановилась в своей первозданной силе, яростно стреляя в небо световыми волнами.

Люди плакали и смеялись, обнимались прямо на улицах, танцевали… Неделя страха и напряжения вылилась в фантастическое празднование, каждый старался как можно быстрее доказать другим и, главное, себе, что все позади, что жизнь вернулась и все будет хорошо.

О том, какой ценой оплачено их счастье, они задумаются позже…

Глава 3

Кириан не понял, что произошло. Кажется, он пришел в сознание почти сразу, потому что световую феерию на востоке он видел, кажется, с самого ее начала. Странная слабость и чувство внутренней пустоты ввели его в подобие некоего транса. Он даже не поднялся в комнату. Просто сидел на траве и смотрел отсутствующим взглядом на переливающуюся у самого горизонта пленку.

Уже под утро ему вдруг очень захотелось увидеть Иллис, пусть хоть на магографии… Для этого надо всего лишь взобраться на дерево. Он уже знал, что магография есть в ее комнате, на столе…

Однако забраться на дерево незамеченным не получилось. Многие не спали в эту ночь, и во дворе было людно. Вот и четверка тут… Краем глаза заметив, что парни непривычно бледные и тихие, он подумал, что это как раз к лучшему. Пока все ликуют в холле и в парке, у него есть шанс пробраться в чужую комнату незамеченным. Пусть не из парка по дереву, а немного другим путем.

Кириан, пошатываясь от очень медленно исчезающей слабости, поднялся к себе. Хвала Эйро, в его комнате тоже никого не было. С великой осторожностью Князь прокрался к окну, и еще через минуту его скрыла зеленая крона.

В комнате четверки никого… магография на столе… Он

воровато оглянулся, внизу люди, но они слишком заняты разговорами, чтобы смотреть в его сторону… Если не шуметь, то все получится! Кириан собрался и… исчез в оконном проеме.

Иллис очень хорошо вышла на этой магографии. Князь взял ее в руки и всмотрелся в такие знакомые черты. Он вообще-то не планировал этого, хотел только увидеть, но не смог вернуть карточку обратно. Аккуратно опустив ее в карман на груди, Кириан повернулся к окну и…

– Постой… – голос из темноты настиг его совершенно неожиданно. И Князь резко повернулся, готовый к драке.

– Не забирай эту, парни академию с ног на голову поставят, но найдут. Я тебе другую дам. Если хочешь.

Несколько секунд на его лице отражалась внутренняя борьба. Слишком неожиданным было предложение.

Льен вошел в полосу света, серьезный как никогда. Но враждебности в его взгляде не было.

И Кириан не выдержал, отвел глаза. Потом медленно, словно нехотя, достал магографию из кармана и молча протянул ее. Он ждал, что за этим последует насмешка, издевательство, но вместо этого Льен открыл ящик стола и достал несколько снимков. – Выбери, которую?

Князь рассеянно взял магографии, просматривая одну за другой. Она улыбалась с каждого снимка, как всегда, ослепительно и неотразимо. Абсурд какой… Он в «логове врага» рассматривает магографии Иллис, которые предложил ему

Льен… И это… очень правильно!

А этот снимок… это на балу? Да… зеленое платье. А одну сережку она тогда потеряла. Улыбается чуть смущенно, прикасаясь пальцами к оставшейся в одиночестве маленькой жемчужинке.

«На кого ты смотришь? Кому улыбаешься? Так хотелось бы думать, что мне…»

– Эту можно? – Кириан с трудом разлепил пересохшие губы. Остальная пачка легла на стол, а он сам взглянул на Льена вопросительно, настороженно и… так, как будто хотел еще что-то сказать, но не мог.

– Бери, – кивнул тот. – Ты… ты знаешь, верно?

– Что? – Кириан весь захолодел от предчувствия. – Есть новости?

– Нет, – Льен отрицательно качнул головой. – О том, что она была там… на захваченной территории, ты знаешь. Надо ждать.

Кириан кивнул вместо ответа. Помолчал, кусая губу, будто решая, говорить или нет, и тихо попросил:

– Если… что-то будет известно…

– Да, – кивнул Льен. – Сразу. Ты… держи себя в руках. Кто знает, как обернется, – может, ей будет нужна помощь. Мы должны дождаться. И быть готовыми.

Он умел найти нужные слова и не задавать лишних вопросов. У Кириана перехватило горло. Он резко отвернулся к окну, чтобы лицо случайно не выдало его смятения. По-

тому что простые, искренние слова Льена затронули что-то очень глубоко у него в душе. Уже у самого окна, перед тем как впрыгнуть на подоконник, Кириан повернулся и, серьезно глядя одному из четверки в глаза, произнес:

– Спасибо… Я не забуду.

Потому что пара фраз, сказанных в этой комнате, сумели вернуть ему то, что он чуть было не утратил, – желание жить.

Сначала было облегчение. Огромное, яркое, как радужные сполохи в небе. Щит вернулся, значит, Орден справился. Теперь все вернется на круги своя. Вернется! Вернется… Вернется же?

Но первым вернулся страх. Этой же ночью. Граница снова непроницаема для кархов, нашествия не будет. Но какой ценой? Никто не знал…

Прошел день, второй… Иллис не вернулась. Пока получалось утешиться тем, что она и не должна была вернуться так быстро. Наверняка в Ордене полно срочных дел, и дорога занимает время. Наверное, она просто напишет. Письмо. Ну или хотя бы записку. Пару слов… или передаст что-то на словах…

Но день проходил за днем, и все оставалось по-прежнему – никаких новостей.

Потом новости пришли. Такие – лучше бы не приходили вовсе.

Орден хоронил погибших. Тех, чьи тела нашли. И продолжал прочесывать местность в поисках того, кто пропал без

вести. Теперь им помогали рейнджеры.

Их было очень много, молодых женщин – и опытных мастеров, и совсем девчонок, вчерашних выпускниц. Закаленные пограничьем мужчины плакали не скрываясь, вывозя из пустошей очередное исковерканное тварями тело…

Из тех, кто ушли за барьер, вернулась едва ли треть. За последние несколько веков Орден ни разу не нес таких потерь.

Шло время, занятия в академии возобновились в прежнем объеме, а об Иллис не было никаких вестей.

Кириан ждал. Все время ждал, что вот-вот в коридоре послышится знакомый смех. Или во дворе сверкнет рыжий всполох. А может, она придет как в первый раз – на урок? И займет свое место рядом с ним. Свое место. Рядом с ним.

Он заставил соседа поменяться с ним кроватями, под предлогом того, что ему мало свежего воздуха. Теперь спал у самого окна, постоянно открытого. И под утро просыпался с безумно колотящимся сердцем, потому что ему приснилось, как в предрассветной дымке мелькнула в листве знакомая тень. Но увы, реальность будила его пустым проемом окна. И он раз за разом захлебывался разочарованием.

Теперь она появлялась только во сне. В его видениях ее глаза были разными – порой карими и солнечными от смеха, но чаще тревожными, полными неясного страха. В таких снах Иллис уходила, не оглядываясь и не слыша, как он срывает голос, выкрикивая ее имя. Она уходила, и серый туман

заволакивал все вокруг – тоскливый, холодный.

Тревога стала похожа на боль – непрерывная, тянущая. От нее не было спасения.

Глава 4

– Я убедительно прошу вас разрешить мне уехать! – Кириан стоял перед ректорским столом, и взгляд его светился упрямством.

– Нет, – генерал Грарард поднял на своего курсанта усталый, но тяжелый взгляд. – Сядь! – Властным жестом он предотвратил любые возражения. – И послушай. Ты мне нужен здесь. Дослушай, я сказал! Я сам еду туда. Я ЗНАЮ, в отличие от тебя, где и как искать. Чем ты можешь быть там полезен, еще один путающийся под ногами мальчишка. Молчи! Не ты один… ждешь и надеешься на чудо. И делать тебе там нечего. Зато ты можешь быть полезен здесь. Если перестанешь маяться дурью и возьмешь себя в руки. И ты, и другие старшие курсанты должны будете взять на себя обязанности некоторых преподавателей. Тогда мы сможем уехать и оказать действительно реальную помощь в поисках.

Ректор Грарард был прав. Как всегда. Но как справиться с этой убивающей неизвестностью, с мучительным ожиданием, с надеждой, которая тает с каждым днем, с тем, что надо ждать новостей и бояться, – со всем тем, что побудило его прийти в ректорский кабинет.

– Займешься делом – станет легче, – уже тихо сказал генерал. – На тебе младшие курсы и особенно твои барсы. Тренировки, занятия. Тренировать будешь сам, от и до, вместо

мастера ди Хасса. Чтобы проще справляться, назначу с тобой еще… ра Сайеша. Он с малышами и так день и ночь возится. Справитесь.

Кириан сжал зубы и четко кивнул. Он понимал, что все верно и даже назначение одного из четверки – правильное решение. Но как же трудно смириться…

В коридоре, возвращаясь к себе, он столкнулся с четверкой и уже привычно спросил Льена взглядом: «Есть новости?»

«Нет», – Льен чуть заметно качнул головой. И отвел глаза.

Они сами изводились уже который день. Ждали новостей и обмирали от ужаса, страшась рокового «нашли тело».

Они бы, наверное, навещали ректорский кабинет, где стоял амулет связи, каждые полчаса. Если бы он им это позволил. Но пока ответ был один и тот же:

– Среди погибших ее нет. Ищут. Нельзя терять надежду, рейнджеры продолжают находить живых. – Ректор не упоминал, что из нескольких десятков пропавших живыми нашли всего двоих, да и то в таком состоянии, что до сих пор неизвестно, выкарабкаются ли девочки.

Ректор не сказал Кириану главного – что это была диверсия, и вполне возможно, направленная как раз именно против Ордена. Наследница наследницей, а при предыдущем короле Орден набрал силу, влияние и количество мастеров. Кое-кому это было очень не по нраву. А теперь… даже если Иллис вернется и займет трон, мощь Ордена подорвана, ро-

довитые семьи снова увеличат свое присутствие возле правительницы… все сложно.

Но об этом даже думать пока рано. Пока у них есть только тоненькая, дрожащая, как паутинка на ветру, ниточка надежды.

На следующий день генерал Грарард, мастер ди Хасс и еще несколько учителей уехали. Потянулись дни, серые, полные ожидания и тревоги. Кириан загружал себя до смерти, только бы не оставлять времени для размышлений. К вечеру он настолько уставал, что приходил к себе и засыпал сразу же, частенько вместо ужина. А утром просыпался, шел на раннюю тренировку, потом тренировал мелких вместе с Льеном, а в свободное время читал про Орден полуденных все, что удалось раздобыть в библиотеке. Он осунулся и похудел за это время, и под глазами у него прочно залегли черные тени. Впрочем, четверка выглядела не лучше. Только Льен умудрялся сохранять бодрый вид и поддерживать остальных, хотя у него было так же тяжело на душе. От отца он получал несколько больше новостей, чем рассказывал друзьям. И количество выживших для него не было секретом. С каждым днем, с каждой минутой надежды таяли.

Как ни странно, работать в паре у заклятых врагов получилось хорошо. Если Кириан блистал умением мгновенно навести дисциплину и задать ориентиры, то Льен, как никто, умел донести знания в такой форме, что мальчишки сами кидались выполнять сложные задания, лишь бы его порадо-

вать. Он любил своих подопечных.

И Кириан, до сей поры считавший свое командирство обязанностью и ответственностью, волей-неволей заражался этим его отношением. Их совместные занятия действовали на него успокаивающе, и после них он с новой силой начинал верить, что все еще будет хорошо.

Но дни шли, надежды почти не осталось. Вернулся ректор, но утешительных новостей не привез и он.

Прошло почти два месяца с отъезда Иллис. Надеяться теперь можно было только на чудо.

Каждый день парни из команды Норриана сидели под тем самым деревом. Но теперь сидели молча. Разговор не клеился. Даже Льен, вопреки своему всегдашнему оптимизму, кажется, сдался.

Ее нет среди погибших. Нет среди погибших. Нет… повторял каждый в мыслях, как заклинание. Ни о чем другом думать они не могли.

Мысли Кириана отличались ненамного. Но скоро и эта мантра перестала помогать. И наконец, он не выдержал… Последние несколько дней его не было видно ни на тренировках, ни на занятиях. Он пропадал неизвестно где и заработал несколько устных взысканий подряд. Но это его не заботило. Льен нашел его в конюшне, проверяющим упряжь своего коня.

– Далеко собрался?

Кириан вздрогнул от неожиданности, но не прекратил пе-

ребирать упряжь.

– В Орден… для начала.

– Они не станут… с тобой разговаривать, – покачал Льен головой. – И Академия. Вылетишь за самовольный отъезд, помнишь? – Он и сам понимал, насколько неубедительны для собеседника его доводы.

– Значит, вылечу, – спокойно ответил Кириан. – Тебе придется самому пока вести тренировки. Прости.

– А что отец скажет?

– Плевать.

– Когда уезжаешь? – Льен не пытался его отговорить. Бесполезно. Да и… а вдруг?

– Завтра на рассвете, – Кириан наконец повернулся. – Если она жива, я найду ее, а если… – он осекся и замолчал на какое-то время. – Я найду ее! – повторил он убежденно.

Эта ночь тоже прошла без сна. Мыслей было даже слишком много, но ни одна из них не смогла поколебать твердого решения ехать туда, на границу, и, если понадобится… он переберет проклятые пустоши по камешку, но найдет ее. Живой или мертвой.

Кириан записал последние слова в дневник и замер, осмысливая их. Потом чуть криво ухмыльнулся, поставил точку и подождал, пока высохнут чернила. В открытое окно робко вползал серый рассвет, где-то внизу в зарослях запела первая утренняя птица. Пора.

Вот и все. Решение принято. Сегодня его тут уже не будет.

Он подошел к окну, облокотился о подоконник и в последний раз обвел взглядом двор, мысленно прощаясь с местом, где столько всего случилось. Ее дерево… Сколько раз он искал ее глазами в листве и не нахо…

Святая Эйро!

Иллис, растрепанная, осунувшаяся и все равно невозможно красивая сидела в развилке. Резные листья качались, образуя вокруг нее зеленую рамку, словно подчеркивая живость картины.

Кириан отступил от окна и спешно прислонился к стене, чувствуя, что его не держат ноги. Это было очень похоже на сон, один из тех, что он видел последнее время постоянно. Еще одного пробуждения ему просто не пережить… это бред… Хеллес! Он сходит с ума.

Нет, ему не показалось! Голос! Живой, ни с чем не сравнимый. Ее голос! Она вернулась!!! Он не помня себя кинулся к раскрытому окну. Если он сейчас же, сию секунду, не увидит ее, не убедится в том, что это все действительно ему не привиделось, он точно потеряет рассудок!

Глава 5

Иллис поправила сползающую повязку. Рука еще очень плохо слушалась и болела, хотя сломанная ключица благополучно срослась. Она вышла из экипажа перед воротами академии и долго стояла, глядя, как пылают черепичные крыши в солнечных лучах. Дома. Она дома…

О том, чтобы перемахнуть через стену, как бывало, сейчас можно и не мечтать. А вот дерево… такое родное и до последней удобной веточки знакомое… все равно тяжело. Одна рука. Одна нога. И совсем нет головы – грустно констатировала девушка, кое-как устраиваясь в знакомой развилке. Ну и что!!! Это мелочи, главное – ОНА ВЕРНУЛАСЬ!!!

И сразу стало легко дышать, а движения всего на миг, но обрели былую легкость. Вот оно, родное окошко, и, как всегда, открыто.

И соседнее…

Иллис старалась изо всех сил, просто из последних, но… она не могла не посмотреть. Конечно, в окне никого не было. Спит еще. Все спят.

Подоконник комнаты парней был теплым и таким надежным. Особенно когда у тебя трясутся даже здоровые рука и нога. Не говоря уже о раненых. Иллис обвела комнату глазами.

Ничего не изменилось. Ее ширма так и стоит в дальнем

углу, на полу возле кровати Майса валяется один ботинок. Как всегда. Куда он второй, интересно, девает? Еще ни разу не нашелся рядом… Словно ничего и не было… ни боли, ни страха, ни смерти… ни-че-го.

А на столе цветы и… ее портрет. Горло перехватило от нежности. Иллис откинулась на стену и на секунду прикрыла глаза. А когда открыла, наткнулась на ошеломленный взгляд Габриэля.

Взлохмаченный со сна и совершенно не соображающий, на каком он свете, парень таращился на нее, приподняв голову с подушки. Вот моргнул несколько раз и протер ставшие огромными глазища.

– Тс-с-с-с! – Иллис, все так же улыбаясь, прижала палец к губам. – Еще совсем рано.

Гай продолжал хлопать на нее длиннющими ресницами, потом еще раз протер глаза – у Майса, что ли, уроки брал? А через пять секунд заорал что-то невразумительное и соскочил с кровати, путаясь в одеяле.

– Гай, какого торк…! О, Хеллес! – взгляд Норриана переместился от Габриэля, который умудрился сбить по пути стул и чуть не стянул скатерть, на окно. – Иллис… не может быть! – почти прошептал он.

Льен почти одновременно с ним резко сел на кровати и прикусил губу, словно стараясь скрыть нахлынувшие чувства.

– Ну слава Хеллес. Я знал… – тоже негромко проговорил

он.

Еще несколько секунд они остолбенело молчали. Не верили. Не смели. А потом вдруг завопили разом. Все, даже Норриан, даже Льен. Они обступили ее, пытаясь прикоснуться, убедиться лишний раз… Они чуть не задушили ее в объятиях.

– Эй, уроните! – смеялась Иллис, цепляясь здоровой рукой то за подоконник, то за кого-то из мальчишек. Она смеялась, а лицо было мокрым.

И в ту же секунду она стала прежней. Ушли в небытие все страхи и боль, забылись. Как не было. Осталась только радость и невероятная, какая-то щемящая нежность к ним, таким родным. Близким.

Правда, обнимали и сияли радостью только трое.

Наконец первый шквал объятий стих. Парни тайком вытерли глаза.

– Нет, вы только посмотрите на него! – Норр указал на нечто, отдаленно напоминающее гусеницу. С подушкой вместо головы. Известный соня, Майс не желал просыпаться даже сейчас, после всех криков, воплей, смеха и грохота упавших стульев.

Иллис мягко высвободилась из обнимающих рук, соскользнула с подоконника и села на край его постели. Мальчишки столпились вокруг, украдкой вытирая глаза, но уже сияя радостным интересом. Сейчас будет ве-е-е-есело.

Девушка им подмигнула, хихикнула и потянула на себя

сразу и подушку, и край одеяла.

– Просыпайся, соня! – она наклонилась и пощекотала торчащий наружу кусочек пятки.

Майс отдернул пятку и что-то пробурчал в подушку.

– Ну дай поспать немножко… еще пять минуточек… не сейчас, Илль… – выдал он через минуту настойчивой щекотки и попытался закуклиться в одеяло поплотнее.

И вдруг до него дошло.

– Иллис?!!! – он буквально взвился на кровати, хлопая заспанными глазами и создавая ресницами ветер. Точно они с Габриэлем близнецы-братья…

Иллис засмеялась, опрокидывая его обратно на подушку. – Привет, соня! Ты не меняешься!

Майс покорно откинулся на спину, но почти сразу же вскочил обратно.

– Иллис, это ты… мы уже не верили… Илль!!! – Майс улыбался и плакал одновременно, даже не скрывая этого. Он ни на минуту не отрывал от нее взгляда. И кажется, впервые пожалел о своей привычке долго спать по утрам.

– Ну я, я! – Иллис сама потянулась к нему, обнимая здоровой рукой, запуская пальцы в и без того разлохмаченные белокурые локоны. – Я вернулась. Я вернулась…

Сейчас ей даже не хотелось вспоминать, чего стоило это возвращение.

Два месяца… Два месяца на грани между жизнью и смертью. В старом, забытом богами домишке за каменной кру-

чей. В компании полусумасшедшего старого отшельника.

Каким чудом этот реликт предыдущей эпохи вообще выжил там, куда пришли кархи? Зачем, а главное, как он умудрился стащить уже бесчувственное тело с башни и унести к себе в горы? Он ей не ответил. Хотя Иллис спрашивала каждый день с того момента, как пришла в себя.

Он был очень добрый, этот сухонький старичок со слишком светлыми глазами. И очень странный… Иллис так и не поняла, что он с ней сделал и как умудрился вытащить с того света. С такими ранами не живут. Страшные узловатые шрамы мало того, что отвратительно выглядели, еще и болели. Очень болели.

И все же она выжила. Выжила! Чтобы вернуться.

Ей пришлось многому учиться заново. Говорить. Есть самостоятельно. Ходить! Все было больно. И несколько раз она срывалась, рыдала и проклинала отшельника за то, что тот не дал ей просто спокойно умереть. Старичок не обижался, только гладил ее по аккуратно расчесанным им же волосам и приносил очередное снадобье. Из каких-то местных сколопендр, не иначе, потому что на вкус – мерзее не придумаешь!

Она успокаивалась и с прежним упорством училась жить заново.

Не больно было только во сне. Но и тут не было покоя. Иллис все время снилась дорога, по которой нужно идти. И туман. Серый такой, холодный. А там, над дорогой, еще высоко, было солнышко и синее небо, и девушка знала – там

будет тепло и спокойно. Она уже совсем почти ушла, но кто-то звал ее из тумана. Звал, и этот голос, такой знакомый и в то же время неузнанный, тревожил и не давал сдвинуться с места.

Первое время она вообще ничего не помнила, даже собственного имени. Постепенно воспоминания вернулись, но с ними пришла и тревога. То, что барьер получилось вернуть, она знала. Может, помнила, может, чувствовала. Неважно. Она не знала главного – выжили ли те, кто шел за ней? Смогли ли они вернуться? А еще… ждут ли ее там… там, где солнечные лучики на рассвете прыгают по черепичным крышам наперегонки и большое дерево трется ветками о подоконник.

Она ушла, как только смогла самостоятельно передвигаться.

Ей повезло. Опять. Поисковый отряд рейнджеров наткнулся на потерявшую сознание девчонку в изодранной орденской форме совершенно случайно. Ну вот умудрилась она окончательно потерять сознание в двух милях от пограничной тропы. Да еще в самых густых зарослях. Если бы не ручной свирок младшего рейнджера…

Кажется, она была последней, эта поисковая партия. А Иллис была последней, кого нашли в пустошах.

Ее привезли в замок Радриар под утро, когда утомленные ночной сменой целители уже не вглядываются в лица больных. И только на следующий день, опять совершенно слу-

чайно, тяжело раненная пациентка в отдельной палате попалась на глаза другой, выздоравливающей.

Уже потом Анелла, совершенно не наигранно держась за сердце, вспоминала, что чуть не отдала душу Хеллес прямо там, у больничной кровати, на которой лежала не просто надежда Амонтильера, но и ее маленькая девочка, которую сама с трудом выжившая мастер Ордена уже успела оплакать.

Глава 6

С момента, как Кириан увидел в развилке дерева Иллис, а потом услышал бурную радость парней за стеной, прошло, кажется, несколько жизней. Он даже не понял, в какой момент шум и ликование переместились вниз, во двор. Стоял, как окаменевший, в простенке у окна и не мог даже пошевелиться. Дышать не мог!

Но все же наконец кое-как справившись с оцепенением, Князь выскочил из комнаты и бросился вниз по лестнице. Он уже почти выбежал во двор. И тут мысль… как подлый удар, неожиданный, от которого перехватывает дыхание. Она вернулась! Но при чем здесь ты?!

Он замер в холле у двери, встав так, что со двора его не было видно, и остановившимся взглядом следил за тем, как Норриан подхватил Иллис на руки и кружит по двору, а она смеется и прижимается к нему. Как целует… нет, нет! Это был не тот поцелуй, не тот, что перевернул его жизнь там, в полутемном коридоре! Но…

При чем здесь ты, Кириан? С чего ты взял, что она изменила свое отношение к тебе? Индюк в курятнике, белобрысый гад… напыщенный осел. Скотина, которую она убьет, если он еще раз посмеет к ней приблизиться. Не умеющий любить обманщик. Вот кто ты для нее. Был и будешь.

День померк, даже радость, что она жива, что вернулась,

уже не несла его на крыльях. Она вернулась не к тебе, Князь. Она улыбается другим, целует других… смотрит куда угодно, только не в твою сторону. А ты… как и раньше, будешь наблюдать за недоступным тебе счастьем в замочную скважину, словно вор. Потому что оно не для тебя. ОНА не для тебя.

Воздух вдруг стал таким густым и обжигающим, что его невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он думал, что ему было больно раньше? Ерунда! До этого момента он и понятия не имел, что такое настоящая боль!

Вздрагивая, он отступил назад в полумрак коридора. Зеркало, висевшее на стене, отразило потерянного, несчастного человека. Кириан знал, чего хочется этому человеку – побежать к ней, схватить в охапку, зарыться лицом в ее волосы, разрыдаться, наконец.

– Ты жалок, – сказал себе Князь, намеренно растягивая гласные.

И как всегда, когда ему было особенно плохо, привычная броня с лязгом вернулась на свое место.

Через минуту у парадного входа стоял Князь. Такой, каким его не видели уже очень давно. Спокойный как камень, холодный, надменный. Презрительный прищур и знаменитая Княжеская кривая полуулыбочка.

Конечно, он не нашел сил уйти совсем – выбрался из холла на крыльцо, но так и не подошел к компании парней, что окружали девушку. Сделал вид, что у него свои дела и вооб-

ще… ах, вернулась? Ну поздравляю.

И вдруг в какой-то момент он понял, что Иллис его заметила. И…

Она смотрела в упор, не отводя глаз. Долго. Целую минуту.

«Вот и ты… Здравствуй. Все тот же. Я скучала… даже по этим твоим противным рожам. Но тебе же это не нужно…»

У Кириана все оборвалось внутри, когда Иллис с чуть заметным вздохом взяла и отвернулась от него. Словно от пустого места. Значит, он не ошибся. Значит… он по-прежнему для нее никто.

Стало так невыносимо, что Кириан на секунду упустил контроль и эта боль отразилась на лице, но, к счастью, никто не заметил. Кроме Льена. А тот только вздохнул и не стал влезать.

Иллис тоже вдруг почувствовала, как поблекла ее непосредственная радость от возвращения. Не то чтобы совсем, но… как-то разом навалилась усталость, и шрамы разнылись с новой силой. Она ушла со двора, так ни разу и не обернувшись. Просто ушла, изо всех сил стараясь не хромать и вцепившись в чью-то руку. Она не видела чью. Вообще ничего вокруг не видела.

Там, в башне, и все время потом она мечтала хотя бы раз еще заглянуть в эти глаза. И вот мечта сбылась. Но глаза такие же холодные и пустые. Как всегда. Почему она решила, что что-то изменилось?

Кириан в это время почти бежал. За ворота, по дороге, куда-нибудь! Туда, где хотя бы возможно будет дышать и не умирать оттого, что она отвернулась… не к нему.

Следующие несколько дней парни почти не отходили от Иллис. Они с большим неудовольствием подпускали к ней всех тех, кто тоже был рад ее видеть. Они не давали ей поднять ничего тяжелее ложки. Даже тарелку. Они готовы были вообще носить ее на руках круглыми сутками, если бы она не взбунтовалась.

Они демонстративно закрыли окно на защелку, словно девушка собиралась выпрыгнуть из него и скакать по деревьям прямо сейчас. Она улыбалась через силу, отбиваясь от этой выходящей за любые разумные пределы заботы.

И даже все вместе они не могли переломить ее упрямого намерения как можно быстрее вернуть форму. Поэтому вынуждены были смириться с ее тренировками.

Но особо на фоне остальных выделялся Майс.

Он не сводил с Иллис глаз, словно опасался, что отвернись он – и она снова исчезнет. Майс первым оказывался рядом, когда ей было что-то нужно, любая мелочь, любой пустяк. Таскал ей цветы и шоколадки в каких-то совершенно непомерных количествах, что-то рассказывал. Только чтобы увидеть, как она снова улыбается. А улыбалась она теперь не часто. И норовила остаться одна.

Кириана же и вовсе избегала. Стоило ему появиться, как она сразу же замолкала, отворачивалась, а то и просто ухо-

дила.

К тому же в связи с ранением Иллис освободили от обязательного посещения занятий, и она работала с преподавателями по индивидуальной программе. Князь так и не дождался возвращения своей соседки по парте.

Кириан страдал. Каждый день. Каждый час и каждую минуту. Еще хуже, чем до ее отъезда. Гораздо хуже. Он старательно делал вид, что не видит ее. Но он больше не мог ее не видеть. Хотя, что за чушь! Он всегда видел только ее, причем везде и сразу!

Он стал на редкость туп и раздражителен. И почти совсем забросил занятия.

– Эй, Князь, тебя не было на философии. Ворон без тебя тоскует, два раза спрашивал.

– Паршиво выглядишь, приятель. Может быть, тебе в лазарет?

– Курсант ди Кейрош, я вас не узнаю. Этот простейший постулат мы изучали еще на втором курсе! Вы что, плохо спали сегодня?

Плохо спал? Он вообще почти не спит. И нет, он не пойдет в лазарет. А не пошли бы вы все вместе!!!

Такие разговоры повторялись все чаще, потом пришло сердитое письмо от отца, на которое Кириан даже попытался что-то ответить…

«Здравствуй, отец!

Почему ты беспокоишься обо мне? Уверяю тебя, у меня

все в полном порядке. Я здоров и отлично себя чувствую. Я немного отстал по программе, из-за этой кутерьмы на границе занятия шли не регулярно. Но я непременно нагоню, можешь не сомневаться.

Отец, мне плохо! Мне очень, очень, очень плохо! Мне так нужно поговорить с кем-то. Еще немного – и я не выдержу, сойду с ума. Помоги мне, ведь я же твой сын!»

Лист дорогой белой бумаги, покрытый ровными строчками, смялся в кулаке и посыпался на подоконник в коридоре неровными клочками, после того как Кириан его разорвал. И вздрогнул, услышав за спиной неожиданный голос:

– Сдается мне, рвать письма – не самый лучший способ довести их до адресата. Не хочешь рассказать, что с тобой происходит?

Кириан резко обернулся и сжал губы.

– Проваливай, ра Сайеш. То есть… не до тебя. Извини.

– Понятно. Ладно. Тогда вот что я тебе скажу…

– Ты думаешь, мне это интересно? – перебил Кириан и из последних сил отвернулся, изображая равнодушие. – Думаю, да, – Льен словно насквозь просветил Князя взглядом. – Но возможно, я ошибаюсь. Тогда… вернешь магографию? Она же у тебя с собой?

Ответить на это было нечего. Они помолчали…

– Я так и думал. Захочешь поговорить – всегда к твоим услугам.

И он ушел. А Кириан запоздало дернулся. Поговорить с

Льеном… Он не высмеет, возможно даже поймет. Но Кейроши не показывают свою слабость никому. Тем более врагам, пусть даже и бывшим. Интересно, с каких это пор он перестал считать Льена врагом?

Может быть, Льен смог бы выслушать… надежды на подсказку Кириан не питал, но хотя бы выслушать ведь мог бы? Только ему великолепный Князь смог бы признаться, что чувствует себя раздавленным ничтожеством. Только ему он сказал бы вслух то, чего даже себе в мыслях сказать не может.

Она ведь не поверила ему, и была в чем-то права. И сейчас, после ее возвращения… он просто не смел навязываться. Это невыносимо, невыносимо! Но бледная и ослабевшая после ранений девушка не заслуживала того, чтобы к ней приставал неприятный ей человек.

Глава 7

А его собственные неприятности тем временем набирали силу…

Когда Кириан все же соизволил появиться на занятиях, каша в голове не дала ему хоть сколько-то поправить положение с учебой. Кончилось это закономерно.

– Любому терпению приходит конец! – мастер Грегориан воинственно встопорщил усы. – Ваши прежние заслуги не дают вам права так бесцеремонно игнорировать правила академии! До выпуска четыре месяца, о чем вы только думаете?! Я закрывал глаза на ваше разгильдяйство, пока ему было хоть какое-то оправдание. Но сейчас ничего не мешает вам взять себя, наконец, в руки и вести себя по-мужски! Вы решили получить недопуск к экзаменам по моему предмету? Нет, не выйдет. Если вы не в состоянии сами этого понять, Кириан, я вам помогу. Проверенным методом. Строгое взыскание. Явитесь в комнату для наказаний сегодня же вечером.

Большего позора нельзя было себе представить. Его отчитали при всем классе, как неумеху-первогодка, который ленится учить уроки. И она тоже это слышала… вот как назло!

Она же не посещала уроки, но именно сегодня у нее была назначена консультация и какой-то там письменный зачет. Иллис не сидела за партой как обычно на занятии, а устро-

илась в самом заднем ряду и тихо, сосредоточенно писала что-то в толстой тетради.

Темпераментный выговор мэтра Грегориана, казалось, прошел мимо ее внимания, даже не заставил ее поднять голову от работы, но сомнения не было – она все слышала!

Всего на секунду ее взгляд оторвался от ровных строчек и встретился с потемневшими серыми глазами. Но Иллис тут же опять уставилась в тетрадь, сделав вид, что ничего не было.

Кириан сел на свое место, больше всего желая провалиться сквозь него. Весь класс откровенно пялился ему в спину, и только она больше не смотрела – он это чувствовал, и все равно… все равно…

Его высекут как мальчишку… а она, конечно же, не пожалеет для бедного-несчастного провинившегося еще одной баночки мази! Ведь большего он в ее глазах не достоин! Кириан еле дождался окончания урока, чтобы вместо обеда уйти в парк. Не видеть никого… Но ему не повезло и тут. Он неожиданно столкнулся с человеком, с которым хотел бы сейчас встретиться меньше всего: у входа в корпус стоял лорд Эса ди Кейрош. И он был крайне недоволен.

Окинув Кириана холодным взглядом с головы до ног, он даже не удосужился ему кивнуть.

– На кого ты похож! – ледяное презрение вместо приветствия не было чем-то совсем уж необычным, но Кириан все равно зябко поежился, подавляя желание обхватить себя ру-

ками за плечи.

– Я приехал к вашему ректору по делам правительства. И, судя по тому, что я тут уже услышал, мастер Грарард вводил меня в заблуждение, уверяя, что ты первый ученик Рандара. Похоже, он просто скрывал от меня, что мой сын лентяй и тупица!

Он выдержал паузу, словно ожидая, что сын начнет оправдываться. Но Кириан отлично знал, что отец ненавидит оправдания, и поэтому промолчал.

– Как ты смеешь позорить имя Эса ди Кейрош?! Ты перестал учиться, вызывающе себя ведешь… Уж не влюбился ли ты? – взгляд отца пригвоздил Кириана к стенке. – Отвечай! Опять всему виной та девчонка?

– Я… нет… – Кириан отступил на шаг, замирая от страха, который внушал ему отец.

– Не лги мне, мальчик! – голос отца был обманчиво спокоен, но Кириан внутренне захолодел от скрытой в нем угрозы. – Я не против того, чтобы ты развлекался с девицами. Но это не должно выходить за рамки развлечения. Тем более если девчонка без роду без племени. Ты понимаешь, о чем я? – он выдержал многозначительную паузу. – Запомни это хорошенько, Кириан…

Он смотрел на сына так, как и все эти годы, – леденящим тяжелым взглядом, от которого Кир до сих пор цепенел, как и в раннем детстве.

– И уж тем более твои увлечения не должны мешать уче-

бе, – лорд Валериан еще добавил стужи в голос. – Позор, МОЙ СЫН на последнем курсе получает взыскание! За что? За невыученные уроки. Ну так иди и получи, что заслужено. Видимо, я зря считал тебя взрослым. Будь моя воля, приказал бы высечь тебя вдвое строже, – припечатал он в заключение. – Иди. У меня не будет времени увидеться с тобой после… твоих процедур. Напишешь мне не позднее завтрашнего дня. Что ты сделал для того, чтобы исправиться.

Бессильный гнев на отца, позор предстоящего наказания, безнадежная любовь к Иллис, которая никуда не девалась, – Князь не мог бы сказать, что для него хуже.

Вечером, когда все закончилось, он уныло поплелся к себе в комнату, больше всего боясь обнаружить на подоконнике баночку, такую же, как в прошлый раз. Банки не было. Всю ночь Кириан проворочался с боку на бок, то и дело просыпаясь и проверяя окно со страхом и… надеждой? Окно оставалось пустым. И это вызывало непонятное, нелогичное разочарование. Значит, ей нет никакого дела до него, совершенно никакого…

Утром Князь чувствовал себя совершенно разбитым. Он лежал на кровати и боялся глубоко дышать, потому что каждый новый вздох отзывался болью в груди. От невыплаканных слез болела голова и глаза жгло под веками. Он старался не думать ни о чем. Он не мог думать без того, чтобы не начать думать о ней.

Он едва заставил себя подняться с кровати ближе к полу-

дню.

Был выходной, и почти все старшекурсники уехали в город. Кириан никуда не поехал, хотя ему бы как раз не помешало развлечься. Он знал: все равно не сможет. Будет искать ее по всему городу. И если, не дай Хеллес, найдет, снова наговорит ей жестоких грубостей, которые ее совсем не заденут, но от которых ему же самому станет плохо.

«Лучше бы ты не уезжала, Иллис. Тогда я мог хотя бы ненавидеть тебя, если любить мне не хватает смелости».

Он бездумно открыл дневник и вчитался в одну из последних записей.

«Хорошо, что на старшем курсе есть возможность побыть одному. Тогда я могу смотреть на твою магографию. (Льен простит за неблагодарность, вот он как раз понимает…) В такие моменты я могу любить тебя. Как трус, тайком. Так, чтобы никто и никогда не узнал об этой моей слабости. Ведь Кейроши не бывают слабыми. И знаешь, что еще хорошо? Мне сейчас не надо следить за своим лицом. Не надо притворяться, не надо лгать. Я так устал от этого…

Сейчас я даже могу позволить себе помечтать. Что, может быть, однажды ты все узнаешь, поймешь меня, и тогда… Я не могу, просто не могу все время думать, что надежды нет. А ведь ее нет… И я сам в этом виноват».

Кириану вдруг стало тошно в комнате. Он вскочил и стремительно выбежал за дверь, промчался, прыгая через три ступеньки, по лестнице, в холл, на крыльцо и дальше, в парк.

К павильону преподавателей – он знал, что Иллис часто бывает именно там, в галерее возле купален.

Ему надо было ее увидеть. Срочно. Пусть тайно, пусть от этого будет больно. Но он хотя бы поймет, что он еще жив.

Пусть она опять отвернется, пусть даже не посмотрит в его сторону. Просто… он не видел ее так давно, со вчерашнего дня! Только бы она не уехала в город!

Не успел он подумать об этом, как услышал голос, который не спутал бы ни с каким другим. И неожиданно понял, что готов. Готов сейчас прокричать на весь Рандар, что он любит ее. Снять с сердца этот камень. И будь что будет!

И тут же услышал другой голос. Мужской…

– Ты как маленькая. Так и знай, я буду носить тебя на руках всю жизнь…

Глава 8

Иллис в город не поехала. У нее были заботы поважнее. Странно, но время словно сделало круг и вернулось в ту же точку – снова, чтобы отвлечься от мыслей о Кириане, девушка загоняла себя до полусмерти изнурительными тренировками. Правда, сейчас был и другой повод – надо восстанавливаться после ранения, а если не работать – былой формы не видать, как собственных ушей без зеркала.

Вчера она промаялась весь вечер. Ну не могла она совсем на него не смотреть, хотя и делала это украдкой. А посмотрев, не могла не видеть, в каком Князь состоянии. И просидела за ширмой всю ночь, как дура, сжимая в руках ту самую злополучную банку с мазью. Нельзя нести ему сейчас – нельзя! – убеждала она себя. Он решит, что его хотят еще сильнее унизить. Дурак…

С утра, невыспавшаяся и вздрюченная, сама себя за шиворот потащила на тренировку. Конечно, все ее нынешние упражнения ни в какое сравнение не шли даже с самым легким разминочным комплексом здоровых воспитанниц Ордена, но ей хватало и тех облегченных специальных движений, что прописали лекари. Все равно было больно, все равно усталость наваливалась непереносимым грузом и гнула к земле.

Когда она заканчивала малый лечебно-растяжечный ком-

плекс, пришел Майс. Эти умники теперь всегда появлялись как из-под земли ровно в нужный момент, чтобы не дать ей свалиться на землю.

Майс, не слушая возражений, подхватил Иллис на руки и легко понес в сторону купален. На сегодня тренировка закончена. Хватит, и так она уже полумертвая от усталости, и по глазам видно – плечо опять болит. Сильно.

– Ты как маленькая, – немного сердито и в то же время с прорывающейся нежностью ворчал он, прижимая девушку к себе покрепче. – Будешь и дальше над собой измываться – так и знай, я буду носить тебя на руках всю жизнь… – Он хотел добавить: «Как маленькую непослушную девчонку!» – но не успел.

Сердце Князя, услышавшего именно эту незаконченную фразу, еще минуту назад бившееся, как птица в силках, вдруг замерло, оставив вместо себя пустоту.

Этот мерзавец нес ее на руках, прижимался к ней, и он, возможно… Кириан задохнулся. Мысль о том, что проклятый ди Реар может быть ей больше чем другом, разодрала его изнутри. И он вдруг понял, что больше, чем кого-либо другого, ненавидит этого смазливого (слишком смазливого, торк его дери) гаденыша.

Он все это время отступал назад, пока тень от колонны не скрыла его. Он ведь уже полгода скрывается в тени, следя за этой девчонкой, глупо сейчас что-то менять… и все же не выдержал, услышав последние слова, которые этот прокля-

тый ангелочек посмел сказать Иллис. И Князь шагнул навстречу парочке, возникая из тени как бледный призрак самого себя.

– Твои щенки не теряют времени даром… – Кириан говорил зло, не глядя на девушку и всю свою ревность и ненависть вкладывая в направленный на Майса взгляд. – Они все у тебя ездовые или только этот? Может, одолжишь одного, покататься?

Иллис вздрогнула, отпустив плечи Майса. Ей вдруг стало ужасно неловко, что Кириан видел, как ее несли на руках. Он ведь может подумать… может подумать… что?

Майс же аккуратно поставил ее на пол и профессионально оттер плечом. Закрыл от Князя, не позволяя тому даже приблизиться.

– Тебе чего неймется, убогий?

«Давай, куколка-Майсик! – бешеный восторг и предвкушение драки затопили Кириана разом. – Давай! Еще немного… еще пара фраз – и у меня будет повод разбить твою прелестную мордашку!»

Он смерил противника высокомерным взглядом.

– Глядите-ка, оно еще и тявкать умеет… Кто ты такой, чтобы я с тобой вообще разговаривал?

Майс вдруг как-то незнакомо, очень зло и по-взрослому усмехнулся, шагнув к нему поближе, и вполголоса, так, чтобы Иллис не услышала, четко произнес противнику прямо в лицо:

– Твой соперник! Счастливый. Возвращайся в свой курятник, Кейрош, и не мечтай о большем. Она не для тебя!

От этой фразы, которую он уже столько раз сказал себе сам, где-то в голове раздался взрыв. Ярость хлестнула по нервам, обжигая кипятком. Зарычав, Кириан сгреб Майса за грудки и правой въехал ему в скулу. Удар получился таким сильным, что они оба не удержались на ногах и покатились по полу.

Кейрош уворачивался, бил и уворачивался снова. Остервенело, яростно. Вот он занес руку для очередного удара по хорошенькой ненавистной физиономии, но в этот момент Майс извернулся и ударил сам. Вкус крови во рту только усилил бешеный гнев напополам с радостью. Наконец-то можно было выплеснуться в этой безумной схватке, выдавить из себя все сомнения, все сожаления, весь свой страх.

Иллис застыла на месте. Вот когда она сполна прочувствовала, что такое – потерять форму. Даже не смогла среагировать вовремя. А теперь у ее ног ворочался злобно рычащий клубок, грозящий смести все на своем пути. Невольно она отступила на шаг, но тут же опомнилась:

– Нет!!! Хватит! Прекратите!

Конечно, ее никто не слышал. Никто, кроме Норра, который повсюду разыскивал их с Майсом, слишком уж задержавшихся после тренировки. Услышав ее крик, он быстрее молнии взлетел по лестнице и, оценив обстановку, подскочил к дерущимся.

– О Хеллес… – простонала девушка, вглядываясь в переплетение катающихся по полу тел и ловя момент. – Норриан, они взбесились! Давай вместе, что ли… Одна не справлюсь.

Они с Норром начали действовать синхронно. Р-р-раз!!! Занесенную для очередного удара руку вывернуло под невероятным углом. Ее собственное потревоженное плечо при этом ответило такой болью, что на миг потемнело в глазах. Второй боец в тот же момент был схвачен Норрианом.

– Рехнулись?! – яростно сверкнула глазами девушка, отпуская Князя, который раздраженно выдернул у нее свою руку и отступил на шаг. – Какого… – она вдруг встретилась с ним взглядом и осеклась, – ты на людей кидаешься?

Кириан не ответил. Какое-то время он сверлил ее непонятным взглядом, потом резко отвернулся и скрестился взглядами с Майсом.

Тот стоял неподалеку, удерживаемый на месте ручищами Норра, тяжело дышал, но в бой больше не рвался. Разбитые губы кривились в торжествующей ухмылке, понятной только им двоим. Майс знал, кто на самом деле вышел победителем в схватке. И он был прав, торк его побери! Он попал в цель, в десятку, туда, где больнее всего! И не имело никакого значения, что досталось Майсу больше. Какая разница, если он его, Князя, уничтожил? Одним точным выверенным ударом. Заставив окончательно поверить…

Иллис невольно только подтвердила это, проследив за взглядом Кейроша и испуганно охнув:

– Майси… – тот и правда выглядел живописно. Скула разбита, губы разбиты, бровь… тоже разбита. Глаз уже начал заплывать.

Боится за него… Ну конечно…

– Норр… – беспомощно попросила Иллис, обнимая себя за плечи руками и невольно растирая сведенные мышцы плеча. – Отведи его в комнату, пожалуйста…

– А ты?

– Я догоню. Со мной хорошо все, честно!

Какое-то время Норр колебался.

– Ладно, – наконец мрачно отозвался он. – Не задерживайся. Если через пятнадцать минут ты не придешь, я вернусь за тобой. – И, кинув на Князя тяжелый предупреждающий взгляд, приобнял Майса за плечи. – Пошли, вояка…

Зачем и почему она осталась в пустом коридоре, один на один с Кирианом, Иллис и сама не могла объяснить. Возможно, хотела что-то сказать… что-то важное. Уже открыла рот…

Глава 9

Кириан прислонился к стене и машинально вытер кровь, бегущую из разбитой брови. В груди все рвалось и звенело от непонятных чувств – вот она, близко, руку протяни… ну так скажи ей! Объясни! Убеди!

Она такая бледная… теперь, вблизи, Князь вдруг с ужасом разглядел то, чего не видел раньше за пеленой собственных чувств и метаний. А еще потому, что его не подпускали близко.

Горькая складка между тонкими бровями, резко обозначившиеся скулы, поблекшее золото глаз. Эта девочка… уже не была прежним огнем, она словно остыла и подернулась пеплом. Неужели…

Вся его решимость опять пошла волнами и трещинами – он не знал, то ли кинуться и обнять, укрыть от всего мира, то ли исчезнуть к торку и не сметь тревожить и без того измученное солнышко…

И эти несколько секунд, пока Кириан не мог решить, что ему делать, неожиданно оказались роковыми. Все так неудачно сложилось. Иллис подошла на несколько шагов ближе, и дневной свет, лившийся между колоннами галереи, скользнул по ее лицу частой сменой бликов, заставив встревоженно дернуться. Именно в этот момент Кириан неудачно мотнул головой, потому что кровь из чертовой брови снова

стала заливать глаз. Алые брызги сверкнули в хороводе пылинок, попав в узкий луч света, и упали на гладкий камень у ног девушки, мгновенно расплескиваясь яркими вездочками.

Иллис вдруг встала как вкопанная и побледнела так резко, что темные круги под глазами стали пугающе глубокими. Она прижала ладонь к горлу и стала медленно отступать, глядя на эти маленькие темные крапинки на белом мраморе.

Сердце дрогнуло еще за секунду до того, как он увидел ее лицо. И стены вокруг начали сжиматься, сдавливая голову, стискивая пониманием, что сделано что-то непоправимое. Им сделано.

– Илль… Иллис?! – испугался Кириан. – Иллис, я… что?!

Он замер, не договорив, а потом дернулся к ней, чтобы подхватить, потому что ему показалось, что девушка сейчас упадет.

Иллис смотрела сквозь него пустыми глазами. Золотистый огонек подернулся пеплом. Серым, мертвым. Пепельными стали губы, лицо, даже волосы, кажется, потеряли солнечную искорку.

Она больше не видела его. Исчез коридор, вместо мраморных плит под ногами жадно чавкнула напившаяся крови земля.

– Ну что, принцесска, и тут на особом положении? – Марили нарочно вспомнила ее детское прозвище, которое сама и придумала. Прошла мимо, задев ее плечом. Но сейчас ее

выпад не достиг цели. Когда точно знаешь, что не вернешься, злость теряет смысл. Как и все остальное.

Потом она стояла перед строем, рядом с Анеллой, отдававшей последние приказы. Точнее, один приказ. Доставить Иллис к башне. Любой ценой. И опускала глаза вниз, не смея посмотреть на подруг, чувствуя, что виновата перед ними. Хотя какая ее вина!

А потом стало вообще ни до чего. Впереди маячил черный силуэт башни – их цель. Вроде бы недалеко, рукой подать. Если бы не огромные волны атакующих тварей. Их ждали. И она в этой игре ценный приз…

Если есть ад на земле, то это был он. Грохот, визг, рев. И они падают. Падают, падают бесконечно, одна за другой, закрывая ее своими телами, прокладывая дорогу, каждый дюйм которой пропитался их кровью и потерянными жизнями…

Дойти… успеть… дойти… чтобы они все не зря…

Дойти…

И темные капли, падающие на белый выщербленный камень полуразрушенной лестницы, ведущей к алтарю на вершине башни. Медленное «кап-кап-кап»…

Как слепая, Иллис шагнула мимо пытавшегося подхватить ее Кириана. Тело двигалось само, без участия разума. Прошлое поглотило его без остатка.

Это было страшно. Видеть, как она, такая горячая, живая, превратилась за какой-то миг в безвольную куклу. Но поче-

му?! Что он сделал?! Он же не хотел!

Кириан опять рванул за ней, подталкиваемый в спину одной только мыслью – не дать уйти, не отпустить! Схватил за плечи, встряхнул. Торк возьми, что с тобой? Не молчи!

– Твою мать, Кейрош! – обычно Льен не позволял себе ругательств, и уже одно это сейчас говорило о многом. Он вырос словно из-под земли, и в глазах его была не просто озабоченность – настоящая тревога. – Что слу… – он еще раз всмотрелся: – Что ты натворил?!

– Не твое дело, Сайеш! – огрызнулся Кириан, пряча за злостью свое отчаяние, непонимание, растерянность и страх. – Мне надо…

Он хотел сказать «отвести ее к лекарю», но не успел. Перепуганный состоянием девушки Льен тоже потерял самообладание:

– Когда кто-то причиняет вред Иллис, это мое дело. МОЕ, уяснил?! Что ты ей сказал? Что вообще произошло?!

Кириан не знал, не понимал, что случилось. Но одно было неоспоримо: до того, как остаться с ним наедине, Иллис была в порядке. Значит… значит, вывод напрашивается сам собой. Так что на вопрос Князь не ответил, но того, как он отвел глаза, Льену оказалось достаточно. Он неверяще мотнул головой.

– Ну ты и… Отойди от нее!

Кириан сглотнул тяжелый комок в горле и сделал шаг в сторону, уступая место.

Льен со знанием дела принялся за осмотр. Пощупал пульс, оттянул веко и снова тихо выругался. Сжал зубы, задумался на секунду, а потом обернулся к Князю. И от тяжести его взгляда показалось, что на плечи опустилось небо.

– С дороги!

Князь машинально отступил назад и в сторону, давая ему пройти. А потом прижался спиной к стене. Это все, что он мог сейчас сделать, чтобы не свалиться на пол и не сдохнуть от отвращения к себе самому.

Весь его прежний опыт сыграл с ним злую шутку. Кириан привык жить, считая себя непогрешимым, и в любых неудачах всегда находился другой виноватый. А сейчас… а здесь… Здесь не было НИКОГО, чтобы обвинить и самому остаться в стороне.

Зачем он вообще приблизился к ней… еще и в драку полез, идиот. Не желал видеть ничего, кроме собственных проблем?..

Закрывая лицо руками, Кириан сполз по стене вниз, безжалостно раздирая вчерашние рубцы на спине о грубый камень.

– С-сволочь! – прошипел вдруг кто-то, заслоняя свет. – Вот ты где! Вставай, тварь!

Кириан не успел толком понять, что произошло, только вздохнул судорожно и попытался встать. Он почти не сопротивлялся, только инстинктивно прикрывал лицо, пока Норриан методично и жестоко избивал его, не разбирая особо,

куда и с какой силой бьет.

****

– Веррал из аптечки! Живо! – от двери скомандовал Льен, врываясь в комнату и бережно усаживая послушную, как марионетка, Иллис на свою кровать.

– Что?! Что случилось?! – первым опомнился Гай, оставив примочку, которую пытался приспособить на физиономию бурчащего Майса. – Иллис!

– Настойку, быстро! Вопросы потом! – рыкнул Льен, выверенными движениями растирая холодные тонкие руки девушки.

Теперь все остальные забеспокоились не на шутку и вопросительно уставились на Льена.

– Все, милая… все хорошо… – взгляд Льена молниеносно перенес Габриэля через всю комнату, и тот подхватил бессильно обмякшее тело с другой стороны, приобнял, откинув ее голову себе на плечо. Льен все еще придерживал девушку за руки, словно сосредоточенно вслушиваясь в пульс, только крикнул через плечо:

– Майс, ну чего ты там копаешься?!

Майс в спешке дернул ящик сильнее. Выдернул с корнем – по полу покатились карандаши, какие-то мелочи, пузырьки. Но никто даже не обернулся на грохот.

– Она ледяная вся! – со страхом поделился Гай, отчаянно

стараясь согреть ее, кутая в наспех схваченное одеяло.

Потрясенный Норр на деревянных ногах добрел до кровати и присел на корточки рядом, тревожно заглядывая в глаза Иллис снизу вверх.

– Может, ей воды?!

Они брызнули девушке в лицо водой, и она слегка пошевелилась.

– Выпей… – Льен накапал в кружку из темного пузырька и поднес ко рту Иллис.

Она покорно глотнула, но тут же закашлялась. Наконец, в пустых глазах мелькнул проблеск сознания.

– Князь? – одними губами, беззвучно спросил Майс, и Льен, поморщившись, кивнул.

У Норриана сами собой сжались кулаки и заходили желваки на лице. У него и без того не было сомнений, кто причина состояния Иллис. Он уже трижды изругал себя, что согласился оставить ее там с этим… и теперь он бесшумно отступил к двери, пользуясь тем, что парни заняты приходящей в себя девушкой. Шаг, еще шаг… и вот он уже решительно шагает по коридору туда, где у него осталось незаконченное дело.

Глава 10

В своей комнате Иллис вдруг открыла глаза. Ее уже перенесли с кровати Льена на ее собственную, укрыли первым попавшимся одеялом.

Остатки кошмара еще пытались утащить ее обратно за барьер, но глаза глядели уже осмысленно. Лекарство действовало. Она обвела друзей мутноватым взглядом и хрипло спросила:

– Гай… где… что случилось? Где… – она обвела комнату встревоженным взглядом, еще сама не понимая, откуда эта тревога взялась. Встретилась глазами с Льеном и вдруг вскинулась, – Норриан?

Не получив ответа, она стремительно откинула одеяло вместе с заботливыми руками.

– Где Норр?!

– Ты успокойся… он сейчас вернется… выпей еще воды… – не реагируя на это успокаивающее бормотание, Иллис вскочила.

Чувство тревоги, обострившееся за три месяца войны, било в набат и не просто кричало – захлебывалось криком. Кириан!

Прежним текучим движением она ускользнула сразу от трех пар рук. Оконный замок жалобно крякнул от резкого рывка, и в комнате остался только ветер и залетевший в рас-

пахнутое окно резной лист.

Они, толкаясь, кинулись втроем к окну, и Гай уже хотел было прыгнуть следом, но Льен движением руки остановил его.

– Подожди. Подожди. Надо рискнуть.

****

– Нет!!! – она возникла за спиной Норриана словно бы из пустоты, и в очередной раз занесенная рука застыла, скованная ее весом. А потом Принца и вовсе с неожиданной силой оттащили в сторону, и Кириан, удерживаемый на ногах лишь левой рукой Норра, бессильно сполз по стене на пол.

– Нет! – с отчаяньем в голосе крикнула Иллис, в ужасе переводя взгляд с залитого кровью лица Князя на его скрюченное от боли тело и кидаясь между парнями. – Не надо, Норр! Хватит, пожалуйста!

– Да ты в своем уме?! – заорал тот, когда прошло первое удивление. – Этот ублюдок тебя… а ты! – он снова дернулся добивать сжавшуюся у стены жертву. Но именно в этот момент Кириан открыл глаза. И то, что увидел там Норриан, заставило его опустить руку. Кейрош хотел умереть. Са

– Он ничего мне не сделал, Норриан. Оставь его и уходи, – от неожиданно ледяного тона, с которым Иллис произнесла эту фразу, словно шуршащая волна поземки прокатилась по каменному полу.

Норр медленно повернулся. Открыл рот. Закрыл. Что происходит? Почему Иллис так странно смотрит на Князя? И этот резкий тон, которого он никак не мог от нее ожидать по отношению к себе. Кейрош, кажется, не ожидал его тоже. Он медленно поднял глаза на девушку. И это был взгляд безнадежно больного человека, который уже смирился и которому вдруг сказали, что у него есть шанс на исцеление. Крошечный, но все-таки шанс. Предчувствие полоснуло Норриана не хуже ножа.

– Ты что… ты хочешь, чтобы я ушел? – с трудом выдавил он. – Из-за него? – Он презрительно дернул головой в сторону Князя. – Того, кто только и делает, что создает тебе проблемы?

– Уходи, – очень тихо, словно раздавленная непомерной усталостью, проговорила Иллис. У нее даже лицо изменилось, теперь оно застыло, как неживое. Будто бы слишком болезненную рану насильно затягивало искристой белой корочкой льда. – Уйди, пожалуйста.

Норриан, тяжело дыша, нехотя отступил на полшага. Лицо его перекосилось.

– Может, еще пожалеешь его, а? – прошипел он, не в силах совладать со злостью.

Но Иллис его уже не слушала. Она неотрывно смотрела на Князя, только на него.

И что? Что дальше? Зачем она вернулась? Здесь холодно и пусто, а того, что она себе напридумывала, никогда не было.

И не будет. Мираж, сказка…

Ей было так больно, что хотелось только одного – исчезнуть, раствориться, не быть. Она вдруг отчаянно пожалела, что не осталась там, за чертой.

Кириан вдруг пошевелился, попытался встать, но, схватившись за стену, тяжело осел обратно. Иллис видела, как он болезненно скривился, как закусил губу, из которой и без того уже сочилась кровь.

И острая, обжигающая, расплавленная сталь вдруг полоснула по корке льда, за которой постепенно остывало еще живое сердце.

Совершенная ледяная скульптура вдруг пошла мелкими трещинками, не выдерживая внутреннего давления. У Иллис задрожала нижняя губа. Она оглянулась на Норриана мельком, через плечо, и снова обернулась к избитому Кейрошу.

Норриан резко выдохнул.

– Если этот подонок так дорог тебе… – теперь в его голосе звенела обида, – тогда я и в самом деле пойду.

Он ушел, и Иллис тут же забыла про него. Мираж… сказка… но это ее мираж и ее сказка. Он не виноват в том, что не стал, не ответил, не полюбил. Разве она полюбила его только ради того, чтобы получить для себя? Нет… значит, и жаловаться нечего. Он такой, какой есть, и… Хеллес, он вообще живой?!

В два шага она преодолела расстояние до Кириана, бес-

сильно привалившегося к стене. Рухнула рядом с ним на колени, дрожащими руками нащупывая пульс. Живой! Она еще какое-то время не решалась убрать руку, как будто убери она ее – и тонкая жилка перестанет биться навсегда.

Голубые венки отчетливо проступали на белой коже, и сама кожа обжигала пальцы, когда девушка провела рукой вверх по шее, щеке, виску, до самых волос. Впервые не отказывая себе в том, что хочется. Хеллес!

Князь шевельнулся и закашлялся.

Словно опомнившись, она принялась осматривать его дальше. Дергано, суетливо, непривычно бестолково.

К ее удивлению, Кириан не отстранился. Только зажмурился сильнее и откинул голову назад, отчего светлые волосы упали на лоб, чуть задевая рассеченную бровь и пачкаясь в крови.

Взлохмаченный, с разбитой губой, из которой тоже сочилась кровь, и в порванной рубашке. Он был такой настоящий, живой, непривычный. Открытый и беззащитный, как никогда.

От этого почему-то перехватывало горло и сердце начинало биться быстро и неровно, отдавая в кончики пальцев смутным и неясным желанием прикасаться еще и еще…

Пальцы дрожали и не слушались, когда она пыталась ослабить ему воротник, жадно всматриваясь в плотно сомкнутые веки и вздрагивающие губы. Ровные, красиво очерченные губы, сейчас разбитые, но все равно притягивающие как

магнит.

Иллис вздрогнула, вспоминая, как они кривились в брезгливой высокомерной усмешке. Вскоре наверняка опять так и будет, но сейчас – плевать! На все плевать.

Она словно забыла, где она и с кем, с головой уйдя в новые ощущения. Пальцы легко прошлись по скуле, чуть задерживаясь около ссадины. Потом скользнули вниз, к ключице, погладили, тронули ямку у основания шеи. Она слишком давно хотела это сделать. Слишком давно…

И от интимности жеста, от давнего изматывающего желания, которому он сейчас совершенно не мог сопротивляться, Кириан вдруг дернулся и застонал.

Иллис тут же вскинулась.

– Что? Больно? Вот тут? – она склонилась вперед, продолжая осторожно ощупывать поврежденное место. Ее волосы коснулись его лица, чуть не вырвав у него еще один стон.

Да, больно! Ему везде больно. Давно уже. Больно, сладко, невозможно!

Но он все еще Кейрош. И у него еще осталась гордость. Немного, но осталось. Кириан открыл глаза и перехватил ее руку с платком, испачканным в его крови.

– Уходи. Пожалуйста, – голос звучал глухо и рвано, слова с трудом продирались через одеревеневшее горло.

– Нет! – Иллис упрямо помотала головой. – Тебе к лекарю надо. Я отведу.

– К лекарю… – машинально повторил он, все еще продол-

жая держать ее кисть. – К лекарю… – и внезапно рассмеялся каким-то жутковатым хриплым смехом. – К лекарю?! – наконец закричал он и неожиданно закрыл лицо обеими ладонями. Потом медленно, словно собираясь с силами, опустил руки.

– Мне не нужна твоя помощь.

Кириан тяжело поднялся на ноги, но тут же пошатнулся и привалился плечом к стене, пережидая приступ головокружения.

Иллис смотрела на него молча, не двигаясь. Только губы дрожали. И этот взгляд, полный искреннего беспокойства, боли и чего-то еще неосязаемого, неясного, но дававшего пустую глупую надежду, стал последней каплей. Невыносимо!

Все собранное по крупицам спокойствие разлетелось в момент, как шелуха от порыва ветра. И стало окончательно плевать, как он будет выглядеть в ее глазах. Он больше не мог притворяться, что ничего не чувствует.

– Почему ты не позволила Норру убить меня? Почему?! – ярость и отчаяние, топившие его с головой, вырвались со словами, ничем больше не сдерживаемые. – Все бы закончилось! Наконец. Не могу больше так, не могу, понимаешь?! И жалость эта твоя… – он резко отвернулся.

Повисла тишина, которую никто из них не решался нарушить. Потом он тяжело сглотнул и продолжил, глядя в сторону.

– Я… я знаю, что проиграл, – теперь голос был тихий,

еле слышный. И сам он весь поник, словно из него вышел весь воздух. – Что ж, я сдаюсь. Ты победила. Я больше не стану мешать вам с Майсом и… Завтра я уеду. Просто уеду отсюда и, будь уверена, сделаю все, чтобы ты обо мне больше не услышала. Я не могу оставаться и видеть, как вы… как он… – и тут же, яростно стиснув кулаки, впился в ее лицо глазами, выпалив то, что не собирался, о чем хотел бы теперь замолчать навсегда:

– Потому что люблю тебя! ЛЮБЛЮ! Как идиот, как мальчишка, как… больше жизни. Я не смогу… я слишком большой эгоист, чтобы видеть твое счастье с другим! – он резко мотнул головой и развернулся, готовый уйти.

Глава 11

Зря он это сделал, иначе видел бы, как сначала потрясенно застывает, а потом еще сильнее белеет ее лицо, хотя, казалось бы, больше некуда. Как расширяются и без того огромные зрачки, заполняя всю радужку. Только теперь не от потрясения или страха за него, а от сдерживаемой, клокочущей и огненной ярости, которую, словно из последних сил, пыталась сдержать усталая зима.

И не сдержала.

– Ненавижу! – резкий рывок за ворот рубашки, а потом… звук пощечины едва успел эхом прокатиться по каменным плитам коридора, когда эхо его удвоило. – Ненавижу тебя!

Кириан дернулся, откинул голову и застыл на месте, невольно хватаясь рукой за щеку и растерянно переводя взгляд на ее пальцы, вцепившиеся в его плечо.

– Уедешь, значит, с-скотина?! Сбежишь?! Струсил? – тихое змеиное шипение могло бы заставить шевелиться волосы на голове и у более храброго человека.

– Докучать мне, значит, не будешь! Да? – тонкие пальчики на его плече неожиданно сжались стальными клещами. И в следующую секунду стенка рядом с его головой брызнула в стороны острыми крошками штукатурки, которую выбил невероятно сильный удар маленького кулака. Казалось, Иллис вложила в него все, что так долго сдерживала.

Она на секунду замолчала, прикрывая глаза и тяжело переводя дыхание, но так и не отпустив его плечо. А потом неожиданно оттолкнула и сама отпрянула. И почти прокричала:

– Ты, идиот самовлюбленный, смеешь мне про жалость говорить?! Мне?! Да я выжила только потому, что ты у меня был! Потому что… Потому что ты звал! Ты! Я к тебе вернулась! Только к тебе! Как дура, летела сюда, сбежала из госпиталя… А ты! Ты хоть знаешь, чего мне это стоило? Знаешь?! – последние слова она уже орала в голос ему в лицо, отчаянно вцепившись в полы его камзола и встряхивая его, как тряпичную куклу, после каждого выкрика.

Кириан почувствовал, как от абсурдности происходящего у него в голове что-то рушится. Все логические выводы, все просчитанные решения, да что там! Все его понимание жизни.

Он хватал открытым ртом воздух, всматриваясь в ее лицо с жадным тревожным ожиданием и неверием.

Она что-то еще говорила, даже кричала, но он уже не слышал, намертво прилипнув взглядом к ее губам. Ярко-красным губам, которые просто созданы были для поцелуев и которые вернули его к жизни, произнеся всего три слова. Три торковых слова, которые он повторял про себя вновь и вновь.

«…вернулась к тебе…»

Кириан качнулся вперед, чтобы… он и сам не знал, чтобы что, просто важно было быть как можно ближе к ней. Но

сделать ничего не успел – она резко отпустила его камзол, отвернулась, пряча неестественно заблестевшие глаза, волосы веером взлетели вверх, хлестнув его по щеке, и сама девушка бросилась прочь.

Бежать… бежать, пока не наговорила или не сделала чего-то, о чем потом пожалеет еще больше. Она и так… дура!

Сильные руки обхватили ее сзади, обнимая, удерживая, прижимая к себе. Иллис рванулась из последних сил.

– Пусти! Ненавижу! – слезы все-таки расчертили лицо мокрыми линиями, срываясь, капая на одежду и обнимающие ее руки, которые и не думали разжиматься.

– Не отпущу! Моя… Не могу без тебя! Не отдам! Не отпущу… – он говорил быстро и бессвязно, прижимаясь губами к ее волосам. И она, даже не глядя, чувствовала, что губы у него дрожат.

– Ненави… – он резко развернул ее лицом к себе, и она запнулась, наткнувшись на глубокий болезненно-нежный взгляд. Гораздо ближе, чем она ожидала. Настолько близко, что видна была серебристая радужка, на которой переливались и плавились непривычно теплые блики. Зачарованная этим зрелищем, Иллис застыла на месте.

«Как солнечные зайчики на льду», – успела подумать она и коротко всхлипнула, когда мокрое лицо обхватили ладони и большие пальцы провели по щекам. Осторожно, будто тоже боялись обжечься.

А потом он с силой притянул ее к себе, зарываясь лицом

в непослушные, пахнущие травами волосы. Всю сразу, вместе со кулаками, сжимающими его одежду, вместе с готовыми вырваться очередными ругательствами и выбившимися прядками, которые он тут же принялся покрывать поцелуями.

– Прости меня… прости! Хеллес, какой же я идиот… кретин… прости меня! – он обнимал ее так крепко, будто пытался вобрать в себя, впитать под кожу. Забрать себе. Присвоить. Его Иллис… – Больше никогда! Никому…

В какой-то момент она еще больше напряглась и даже забилась, как пойманная птица, и вдруг обмякла. А в следующую секунду крик отчаянной боли все же вырвался, и девушка зарыдала в голос, выплескивая и на него, и просто во вселенную ту боль, которая не давала дышать все это время.

– Они все погибли… они все… погибли… они все… а я осталась! Из-за тебя! Кретин! Какой же ты… – повторяла она как в бреду и из последних сил цеплялась за Кириана, словно он остался последним в этом мире, что еще могло удержать ее от падения в никуда.

И он удерживал. Обеими руками, не отпуская ни на миг. Порывисто целовал все, до чего мог дотянуться: щеки, губы, глаза, волосы, снова щеки… Он не умел и не мог сказать о том, что чувствует в этот момент. Никакие слова не вместили бы этого.

Боль за то, что ей пришлось пережить, за то, что он – слепой идиот, не разглядел этого раньше, готовность умереть и

убить за ее любовь и ощущение того, как перехватывает дыхание, когда она вот так доверчиво прижимается к нему – к нему, ни к кому другому! Все это било под коленки, превращая их в настоящую вату, но поддаться сейчас слабости он не имел права.

– Мы со всем справимся. Со всем… вместе… я люблю тебя… я тебя люблю! – шептал он в маленькое ушко, и ее волосы шевелились от его дыхания. Нет, он даже не пытался делать вид, что у него не дрожат руки, которые бережно гладили ее по спине. Но вот голосу дрогнуть не позволял. Он сделал так много ошибок в прошлом, так много непростительных ошибок, и, если ему дается шанс все исправить, он его не упустит! Он вытащит ее из этого кошмара, чего бы ему это ни стоило! И начнет прямо сейчас.

Ладонями он чувствовал, что ее всю трясет, и от этой ее уязвимости, в груди полыхнуло так, что в первый момент он с трудом устоял на ногах. Но это же придало ему невиданных сил. Любовь, которую он наконец-то выпустил на волю, больше не была мучительной. Она окрыляла, окутывала золотистым сиянием, дарила уверенность, что он может все. Теперь действительно – все.

Непонятная, нелогичная, не…. Его Иллис! Только его! Он глядел на нее во все глаза, просто потому, что теперь это можно было делать без боязни, что кто-то заметит.

Иллис понадобилось довольно много времени, чтобы выплакаться. В какой-то момент она устала стоять посреди ко-

ридора и потянула Кириана за собой, опускаясь на пол.

Князь послушно оглянулся и сел у стены, прямо на пол, вытянув ноги, а девушка, не до конца осознавая собственные действия, позволила усадить себя на его колени и сама приникла, спрятавшись у него на груди. И еще несколько минут молчала, изредка судорожно вздыхая, отчего Кириана каждый раз накрывало очередной почти смывающей сознание волной нежности. Прерывистое от недавних слез дыхание легонько трогало кожу у него на шее, и этого ощущения было достаточно, чтобы задыхаться от накатывающего желания и стыда за его кажущуюся неуместность – нашел время, кобель похотливый! Она такая… такая… а он не может справиться с низменными инстинктами!

Пока Кир боролся с собой, его крепко стиснутая «добыча» пришла в себя и сначала совсем притихла, а потом шевельнулась в кольце рук и подняла голову. Заплаканные глаза снова стали солнечно-янтарными, и… нет, боль не ушла до конца, она осталась где-то там, в глубине, мелькая горькими тенями на самом дне.

Кириан обнял руками ее лицо. Провел большим пальцем по щеке, от уголка губ к скуле. Наслаждаясь ее дыханием, близостью, непослушным завитком на правом виске… словно до конца не веря, что все это теперь его. А потом прикоснулся губами к губам, бережно, почти целомудренно. И это было более интимно, чем самые горячие поцелуи, бывшие у него до этого.

– Убьешь меня теперь? – прошептал он ей прямо в приоткрытые губы с ласковой насмешкой.

– Самолично, – подтвердила Иллис, а потом обхватила его за шею, затягивая в новый поцелуй, который сразу же перестал быть невинным. Вот как-то сразу. Да к торку скромность и что там еще полагается невинным девам? Она слишком долго этого ждала, слишком… мало надеялась получить.

Это был долгий поцелуй. Кириан так давно уже ни на что не надеялся, что сейчас этого всего стало слишком много для него. Он плавился, задыхался только оттого, что она прижималась к нему так крепко, от рук, которые жадно гладили его по лицу, шее, плечам. Впрочем, его руки тоже не отставали. Стремились захватить как можно больше, жадничали, спешили. Словно бы повторяли желание хозяина поверить, что Иллис и в самом деле тут, с ним, сама целует его!

Одна только мысль об этом вызывала бешеное сердцебиение и нарастающую тяжесть где-то там, внизу. Он еще помнил, что нельзя вот так все сразу, но уже не помнил почему.

Иллис же подобными глупостями не заморачивалась вовсе. Собственно, она ни о чем не думала, для нее существовало только здесь и сейчас. Ни будущего, ни прошлого, ни вопросов, ни сомнений. И наверное, она позволила бы событиям зайти так далеко, как только возможно, ее рука уже путалась в пуговицах рубашки Кириана, и она сама даже не задумывалась – зачем. Просто… так надо, необходимо и очень хочется… убрать эту тряпку и добраться до самого Князя,

провести ладонью по коже…

Тем более что его горячие пальцы уже вовсю вычерчивали неизвестные письмена на ее собственной спине, шее, обводили ключицы, зарывались в волосы… но пока не смели большего. Когда и как он проник под рубашку, вспомнить она решительно не могла. Да и какая разница!

В какой-то момент Кириану показалось, что еще секунда – и каменный пол под ним расплавится. Иллис принимала ласки так страстно и откровенно, что от одного только вида можно было сойти с ума. А еще она прижималась. Ближе, плотнее, так, чтобы даже воздуха не оставалось между ними. Доверчиво и в то же время заявляя свои права на него. Горячие звезды уже полыхали под веками, когда девушка вдруг болезненно вскрикнула – раненая нога неловко вывернулась и ответила на такое издевательство резкой судорогой.

Глава 12

– Что?! – Кириан чуть отстранился, встревоженно заглядывая ей в лицо.

В серых глазах еще стояла пелена тумана, медленно, нехотя рассеиваясь.

Иллис, так жестоко выдернутая из сказочной эйфории, только тихонько охнула и сначала по привычке попыталась спрятать боль, не показывать, но заглянула ему в глаза и вдруг сникла, съежилась, позволила себе выпустить ее наружу.

– Нога… судорога. После… ранения.

Князь мгновенно подобрался, попутно ругая себя всеми известными ругательствами: хорош, торк, влюбленный, о девушке позаботиться не смог!

– Откинься назад, обопрись на руки. Ногу вытягивай вперед, только медленно. Надо растянуть мышцу.

– Ты меня будешь лечить? – она улыбнулась ему даже сквозь боль и так доверчиво последовала его указаниям, что…

– Ну, лечить – не лечить… – Кириан осторожно ссадил Иллис с колен, не забыв предварительно подстелить на пол китель. И сосредоточенно взялся за ее голень, второй рукой бережно потянув стопу на себя. – Расслабь ногу, можешь? Вот так, аккуратненько… потерпи, сейчас должно от-

пустить…

Забота, внимание… эти слова всегда имели крайне низкий рейтинг в личном словаре Кириана Эса ди Кейроша. Как и угрызения совести. Откуда что взялось? Теперь он стоит на коленях рядом с девушкой своей мечты, массируя напряженную мышцу, с ума сходит от нежности, беспокойства и счастлив уже оттого, что может что-то сделать для нее. Сколько времени он потерял! Шесть торковых месяцев он мог бы быть таким вот счастливым и, самое главное, сделать счастливой ее.

Уверенные пальцы пробежались по ноге снизу вверх, поглаживая, разминая, расслабляя. Боль уже давно отпустила, а его рука так и осталась лежать у нее на коленке. Затем скользнула выше, изучая, наслаждаясь, продвигаясь очень медленно, чтобы не спугнуть хрупкость момента. И вдруг замерла, наткнувшись на грубые края шрама, ощущаемого даже сквозь ткань тренировочного костюма. Иллис тоже закаменела на секунду и тут же попыталась встать. Это не объяснить словами, но в мозгу засела мысль об уродстве шрамов, и показать их, даже на ощупь, Кириану было нестерпимо неловко. Надо встать, и…

Если бы не подлая конечность, которая, вместо того чтобы благодарно поддержать хозяйку, повела себя как неблагодарная свинья, ей бы это удалось! Но та подломилась в самый неподходящий момент, и Иллис почти упала на парня.

И он тут же снова себя проклял. В этот раз за легкомыс-

лие. Ее ранение теперь не шло из головы, а ведь он нащупал только самый краешек шрама. Какой же тогда должна была быть рана? И вероятно, не одна? А он держал ее на холодном полу!

– Часто у тебя так?

Иллис тихонько выдохнула и улыбнулась.

– Не очень… И правда полегче… Да вообще уже прошло! Ерунда, не стоит обращать внимания…

– Я и вижу… – вопреки иронии голоса, глаза смотрели с сосредоточенным беспокойством. – Тебе нужно в комнату.

Легко сказать! Когда Иллис была так близко, отпустить ее было невозможно. В глазах темнело от желания прижать ее покрепче, с жадностью впитывая тепло, шелковистость кожи и мягкость волос. Зацеловать до полной потери дыхания. Но все, что он себе позволил, это нежно провести губами по виску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.